

Милосердие

Газета «Магнитогорский металл» начала акцию «Милосердие» не случайно: уж очень назрела проблема. Малоимущие пенсионеры, одинокая старость, их бытовая неустроенность — вот круг вопросов, который мы можем и должны решить немедленно, сегодня. Иначе завтра может быть поздно, уходят старики в мир иной с обидой на жизнь, на нас с вами.

В отделении социальной помощи УЖКХ из 136 пенсионеров, которых оно обслуживает, выписала я всего несколько фамилий. Тех, чья пенсия не только не дотягивает до прожиточного минимума, а в полтора—два раза ниже его. И живут, как правило, ветераны Магнитки все в тех же коммунальных квартирах, в которых поселились в тридцатых годах.

Одна из них — Варвара Степановна Сердюкова. Она старожил самой первой улицы города — Пионерской. По официальным данным в нашей стране чертой бедности пока считается сумма в 40 рублей на человека. Пенсия Варвары Степановны 37 рублей. За квартиру платит около шести рублей. Остается для жизни по рублю в день. Но-другому, как жалким существованием, это положение назвать нельзя.

Со свойственной всем старикам открытостью и доверчивостью Варвара Степановна разложила передо мной весь свой архив: паспорт, трудовую книжку, профсоюзный билет, пенсионное удостоверение, медали... О многом могут рассказать документы: как грудились человек, чем жил. Но не могут казенные бумаги объяснить все повороты судьбы человека, пока не послушаешь его рассказ о жизни, пока не поможешь ему в глаза...

Одно я поняла из документов: пенсия определялась из последнего места работы, где заработок был невелик. Но не могу найти объяснения другому: почему у нас никак не ценится и не учитывается рождение и воспитание одиннадцати детей (именно столько было у Варвары Степановны, правда, не все они выжили), тяготы тылового труда, многолетнее участие в общественной работе, наличие государственных наград за труд? Почему ветеран, всю жизнь прожившая в коммунальной квартире, хотя бы на старости лет не имеет отдельного жилья? Почему до этого никому нет дела? Почему до сих пор у нас нет закона, призванного быть гарантом спокойной и достойной старости?

Думала ли Варвара Степановна, что ей придется так трудно доживать свою жизнь? Наверное, нет. Да и кто об этом думает, пока молод, пока полон сил.

Начала работать Сердюкова в доменном цехе. Вначале газировщицей, потом — на глиномешалке, после окончания курсов перешла на кран. Вместе с мужем, электриком этого же цеха, работала в Нижнем Тагиле на пуске домен. Оттуда проводила его и двоих его сыновей на фронт. Возвратившись в Магнитку, пошла вновь работать в доменный цех. Только не

ДОЛГИ НАШИ

взяли ее уже на кран — на руках был грудной ребенок, приходилось отлучаться для кормления. Поставили смазчицей. И здесь терпела нарекания: не пускали на порог яслей пропахшую и промасленную женщину. Потому чаще всего оставляла детей друг с другом. Мытарства эти не прошли даром: дети умирали один за другим. Не вернувшись с фронта приемные сыновья, общих детей в живых осталось трое. Вскоре старший сын погиб на работе, ушел из семьи муж...

Что же спасало женщину, казалось, от непреодолимого бед и несчастий? Работа и люди. День и ночь трудилась Варвара Степановна на производстве и на общественной работе. Здоровье и годы заставляли уйти из доменного цеха. Перешла в левобережный Дворец металлургов: зимой мыла полы, шила шторы и занавески, летом обслуживала один из аттракционов левобережного парка, который в молодости сама же и озеленяла на субботниках. Подрабатывала стиркой белья, поделкой квартир. «Крупные» вещи, шифоньер, буфет помогли купить добрые люди — выручали деньгами займы. Машинку швейную по завещанию подарили родственники. Обшивала семью сама.

На всю жизнь осталась Варвара Степановна активисткой 30-х годов: сорок лет была председателем общества Красного Креста, много лет — членом домового комитета, старшей по дому, вела работу штаба народной дружины при домоуправлении, занималась озеленением всего левобережья. В ее архиве поражает обилие различных грамот: от горкома КПСС, от РОВД, от общества Красного Креста, от ЖКО-3. Такова благодарность женщине за огромный бескорыстный труд для людей.

Что же сегодня, на 81-м году жизни, имеет труженица Сердюкова? Болезни, пенсию в 37 рублей, комнату в коммунальной квартире, притеснение соседей... Поражает квартирная неустроенность ветерана. Всю жизнь прожила Варвара Степановна в коммунальках. Но по-доброму вспоминает она соседней предвоенных и послевоенных лет: помогали друг другу, жили, словно родные. Так куда же все это ушло с годами? Почему дети и внуки тех славных людей стали такими черствыми и жестокими? Почему старой женщине приходится жить укрядкой: варить обед, когда в квартире нет соседей, стирать, когда молодые «хозяева» отсутствуют? Почему нет управы на недобрых людей, притесняющих ветерана, позволяющих своим детям выкрикивать в лицо женщине: «Ско-

рее бы ты сохла, старая крыса. Мы бы твою комнату заняли?»

ОТСТУПЛЕНИЕ ПО ТЕМЕ.
Объяснение такому поведению соседей В. С. Сердюковой есть: живет эта семья с четырьмя детьми в двух комнатах коммунальной квартиры. Конечно, это ненормально, конечно, неудобно, конечно, тесно. Но нет оправдания поведению этих людей, притесняющих больную старую женщину. И потому я вынуждена назвать их фамилию. Это Александр Николаевич и Татьяна Васильевна Семеновы. Она работает огнеупорщиком в первом маргеновском цехе, он — на ММЗ.

...Уходила от Варвары Степановны с тяжелым чувством вины из-за невозможности что-то сделать, как-то изменить нынешнее положение, из-за боязни дать нечаянную надежду. И по сей день слышится плачущий голос женщины: «Господи, хоть бы напоследок пожить по-людски, чайку попить в своей кухоньке».

Ах ты, немощная старость! Кто защитит тебя? От нищеты, несправедливости, одиночества, злых людей? В какой раз вопрошаю это и призываю: давайте что-то делать. Сколько можно копить долги наши перед ветеранами?

И потому предлагаю:
— открыть при службе социальной помощи УЖКХ счет для благотворительных пожертвований от цехов и отдельных граждан;

— предоставить пенсионерам отдельные квартиры хотя бы в реконструированных домах на том же левом берегу, где прошла вся их жизнь; либо построить для них дом по типу общежития со всеми необходимыми удобствами;

— освободить малоимущих пенсионеров от уплаты коммунальных услуг: совету трудового коллектива вынести этот вопрос на обсуждение и изыскать для этого средства;

— взять шефство над службой социальной помощи комсомолу комбината.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.
Не могу не заметить, что в последнее время наша активность возросла: люди все больше пишут в газету, все чаще звонят в редакцию, откликаются на публикации. На какие? В большинстве — на те, где говорится о распределении социальных благ о «видниках», о «стенках», о отоплении, о зарплате, о работе... Но все выше стена равнодушия, глухого отчуждения, когда газета касается людских судеб, нищей старости, инвалидов и женщин. На рубрику «Милосердие» еще не пришло ни одного отклика...

Почему так происходит? Ответы на эти вопросы можно найти только вместе с вами, наши уважаемые читатели. Мы ждем их. Кто продолжит разговор?

Н. БАРИНОВА.

На правом фланге пятилетки

Тринадцать лет назад после окончания СГПТУ № 39 пришла работать в огнеупорное производство Ирина Ивановна Акимова. Очень добросовестная, быстрая в работе, Ирина пользуется заслуженным уважением в коллективе. Товарищи избрали ее культорм бригады.

На снимке: крановщик Ирина Ивановна Акимова.

Фото В. Макаренко.

ПАРТИЙНАЯ ХРОНИКА

Секретарем парторганизации листопркатного цеха избран **Анатолий Иванович Калуга**, 1939 года рождения, образование высшее, член КПСС с 1972 года, работает старшим мастером.

Секретарем парторганизации коксового цеха № 3 избран **Олег Владимирович Локтев**, 1960 года рождения, образование высшее, член КПСС с 1986 года, работает газозвонщиком.

Секретарем парторганизации теплоэлектроцентрали избран **Владислав Григорьевич Демьяненко**, 1941 года рождения, образование высшее, член КПСС с 1974 года, работает начальником участка тепловой автоматики.

Секретарем парторганизации Дворца культуры и техники избран **Василиса Михайловна Сопко**, 1949 года рождения, образование высшее, член КПСС с 1985 года, заместитель директора Дворца.

Секретарем парторганизации рудника избран **Алексей Алексеевич Косунов**, 1939 года рождения, образование высшее, член КПСС с 1969 года, работает начальником участка рекультивации.

Секретарем парторганизации копрового цеха № 1 избран **Александр Николаевич Долгушин**, 1952 года рождения, образование среднее, член КПСС с 1978 года, работает начальником участка.

Мой город, мой завод — моя судьба

Мастер

Слова «человек — хозяин своей судьбы» всегда были спорными. А сегодня и вовсе кажутся насмешкой, когда мы все больше и больше узнаем о нашем недалеком прошлом. Когда повелительным жестом руки одного человека из конца в конец страны перемещались целые нации и народности, когда ломались и коренились судьбы. Но самое, пожалуй, страшное, что все мы долго верили в то, что делалось это на благо народа, во имя народа и имени его. История Магнитки, ее люди — самое убедительное тому подтверждение. И не нужно это подтверждение искать в книгах. Настоящая история Магнитки еще не написана.

Давайте внимательнее приглядимся к ветерану, работающему рядом, или к старожилу, живущему с вами на одной площадке. Они о многом могут поведать, и нужно пользоваться этой жизненной правдой, не упустить ее, донести людям...

Одним из таких интересных людей является Василий Васильевич Зайцев. 1 октября у него юбилей — 50 лет

работы в электроремонтном цехе. Полвека на одном рабочем месте. Вот уж истинно как в известной песне: завод, город стали судьбой человека, потому что вместили эти годы целую жизнь...

...Жила семья Зайцевых в небольшой деревушке Макарово Ярославской области, за тысячи верст от Уральских гор. Кормилась трудом, хозяйством, растила детей. А детей было ни много ни мало — десять душ. Легко ли было прокормить такую ораву крестьянину Василию Зайцеву, когда, можно сказать, заправский-то работник только он один? В семье первыми рождались девки, скорее матери помощницы, чем отцу в хозяйстве. Было у Зайцевых несколько десятков земли, на которых рожь сеяли, сено косили для двух коров и двух лошадей с жеребчиками. Может, попить-поесть с хвостом, но как обустроить всех? Нужда заставляла Петровича прирабатывать в артели: из льна и пеньки крутил веревку. Что надо получалась веревочка у мастеровитого мужика: канаты крученые, веревки хозяйственные, зашивки для мешков. Без костры и колючек, ровная, словно шелковистая, вылась из рук Петровича лубая веревка.

Артель складывалась, закупала на станции вагон пеньки или льна, дели-

ла меж собой, и каждый делал и обывал свою продукцию сам. Помощниками у Василия Петровича были старшие дочери. Хозяйка большого семейства в промысле не участвовала, по дому дел хватало, да и болезнь не давала: с 16 лет ногами маялась.

Часто к Василию Петровичу просились в пай мужики, у кого не было ни лошадей, ни приспособлений к промыслу. Никому не отказывал, кормить-то всем надо. Брал с пайщиков лишь небольшую плату за амбар да амуницию, на которой веревку вили.

Может, и совсем неплохо зажили бы Зайцевы со временем — дети-то подрастали... Но в тридцатом случилась с ними беда: записали трудягу Зайцева в кулаки, отобрали все имущество и отправили в товарном вагоне в неведомые края. Приютила родня двух ребятнишек, а с восьмерыми доехали Зайцевы до Урала. Определили их на Магнитострой, поселили в Центральном поселке, где таких, как они, спецпереселенцев, было великое множество. Поселили в палатке, потом перевели в громадный барак. Тот барак похож был на скотный двор, в котором топчаны разделены были, словно загонны, невысокими барьерчиками. На каждом топчане — семья 6—12, а то и более человек. Отгораживались семьи друг от друга тряпьем, дерюжкой, половиками, Работу спецпереселенцам давали

самую тяжелую: рыть котлованы под домны, разгружать вагоны, таскать кирпичи. Приспособлений никаких, все животом брали. После тяжелой работы всех от мала до велика гоняли на сельхозработы. Каждый день в барак раздавался клич: «Граждане! Все на Сухую речку! Выходи!» Там находилось подсобное хозяйство. Существования не было никому, ни больным, ни старым. Немоощных и хворых баб и стариков стаскивали с полатей за ноги и гнали пешком за десять километров на поля. Особенно запомнился старожилу Центрального поселка участковый Васяка Беляев. Из своих же, переселенцев, а поди ж ты, выбился в начальство и изгался над людьми, как хотел. Случалось, что утром не досчитывались кого-нибудь в бараке: отошавшие и обесиленные люди страдали «куриной слепотой». Ночью, бывало, такие оступались, падали, а на утро находили их мертвыми.

Работать старались все, потому что иждивенцы получали хлеба в два раза меньше. Работающим давали на фабрике-кухне щи, где плавала рыбешка для навару.

На всю жизнь запомнилось это Василию Васильевичу Зайцеву, когда его через два года разлуки восьмилетним парнишкой привезли к родителям в Магнитку. Вместе со всеми испытал и голод, и холод, и унижения. От тягот, голода, скученности